

Х. Язык, раса и культура

У языка есть свое окружение. Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), т.е. к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует и вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. У антропологов повелось изучать человека с трех сторон — расы, языка и культуры. Одной из первых их забот при обследовании таких естественных зон, как, скажем, Африка или Тихий океан, является разбиение этих зон на области под этим трояким углом зрения. Эти области определяются следующими вопросами: каковы и как географически распределяются важнейшие в биологическом отношении разновидности человеческих существ (например, центральноафриканские негры и египетские белые, австралийские черные и полинезийцы)? Каковы наиболее широкие языковые группировки, так называемые «языковые семейства», и каково распространение каждой из них (например, хамитские языки на севере Африки и языки банту на юге; малайо-полинезийские языки Индонезии, Меланезии, Микронезии и Полинезии)? Как народы на данной территории распределяются в плане культуры? Каковы важнейшие «культурные зоны» и каковы господствующие идеи в каждой из них (например, мусульманский север Африки, первобытная охотничья, неземледельческая культура бушменов на юге; культура австралийских туземцев, бедная в материальном смысле, но богато развитая в обрядовом отношении; более передовая и высоко специализированная культура Полинезии)?

Рядовой человек не задумывается над тем, каково его место в общей системе всего человечества. Он ощущает себя представителем составляющей некое законченное целое части человечества, то ли «национальности», то ли «расы», и полагает, что все, имеющееся у него, как у типичного представителя этой обширной группы, образует некое единство. Если он англичанин, он чувствует себя членом «англосаксонской» расы, чей «гений» сформировал английский язык и «англосаксонскую» культуру, выражением которой является этот язык. Наука не столь опрометчива. Она допытывается, в какой мере согласуются между собой классификации по этим трем признакам —

расовому, языковому и культурному, присуще ли их совпадение, когда таковое имеет место, самой природе вещей или оно лишь порождение внешней истории. Ответ на этот вопрос не обнадеживающий для «расовых» сентименталистов. Историки и антропологи считают, что расы, языки и культуры не распределены параллельным образом, что их зоны распространения самым причудливым образом перекрещиваются и что их история развивается по обособленным путям. Расы перемешиваются так, как не перемешиваются языки. С другой стороны, языки могут распространяться далеко за пределы своей первоначальной родины, захватывая территории новых рас и новых культурных зон. Язык может даже вовсе исчезнуть в области своего первоначального распространения и продолжать существовать у народов, враждебно настроенных против тех, кто некогда на этом языке говорил. Далее, случайности исторического развития постоянно перекраивают границы культурных зон, вовсе, однако, не стирая существующих языковых рубежей. Коль скоро мы проникнемся твердой уверенностью в том, что раса — в единственном вразумительном, а именно биологическом смысле этого термина — в высшей степени безразлична к истории языков и культур, что эти последние не более объяснимы непосредственно на почве расы, нежели на основе физических и химических законов, мы тем самым встанем на такую точку зрения, при которой окажемся совершенно недоступны таким мистическим лозунгам, как славянофильство, англосаксонство, тевтонство или латинский гений, что не помешает нам, конечно, ими интересоваться. Пристальное изучение территориального распределения языков и его истории может служить весьма суровым комментарием ко всем этим сентиментальным верованиям.

Нетрудно показать, что языковая группа ни в малейшей мере не соответствует обязательно какой-либо расовой группе или культурной зоне. Мы иногда даже видим, как отдельный язык перекрещивается с расовыми и культурными границами. Английский язык не есть язык единой расы. В Соединенных Штатах несколько миллионов негров не знают другого языка, кроме английского. Это их родной язык, формальный покров их внутренних мыслей и переживаний; это такая их неотчуждаемая собственность, такое же «ихнее», как и самого английского короля. Но и англоязычное белое население Америки не образует обособленной расы, разве что в противопоставлении с неграми. Из трех основных белых рас Европы, устанавливаемых антропологией, — балтийской, или северно-европейской, альпийской и средиземноморской — каждая насчитывает многочисленных англоязычных представителей в Америке. Но историческое ядро англоязычных народов, то относительно «несмешанное» население, которое поныне проживает в Англии и колониях, не представляет ли оно чистую и обособленную расу? Доказательств в пользу такого утверждения нет никаких. Английский народ сплавлен из многих отдельных племенных элементов. Кроме старого «англосаксонского», иными словами, северногерманского элемента, который условно считается ос-

новным, к английской крови относятся нормано-французский¹, скандинавский, «кельтский»² и докельтский элементы. Если под «англичанами» мы разумеем также шотландцев и ирландцев³, то термин «кельтский» нам приходится относить по меньшей мере к двум совершенно отличным расовым элементам — к низкорослому, смуглому типу населения Уэльса и к более высокому, более светлому, часто рыжеволосому типу горных шотландцев и части ирландцев. Даже если мы ограничимся одним саксонским элементом, не представляющим, кстати сказать, никакой «чистоты», мы все же не преодолеем наших затруднений. Мы можем в общих чертах отождествить этот племенной элемент с расовым типом, ныне преобладающим в южной Дании и прилегающих частях северной Германии. Если так, мы должны удовлетвориться констатацией, что, тогда как английский язык исторически теснее всего связан с фризским, во вторую очередь с другими западногерманскими диалектами (нижнесаксонский или «платдейч», голландский, верхненемецкий) и лишь в третью очередь со скандинавскими, — специфически «саксонский» расовый тип, распространившийся в Англии в V и VI столетиях, более всего совпадает с типом современных датчан, говорящих на одном из скандинавских языков, и значительно разнится от типа говорящего по-верхненемецки населения центральной и южной Германии⁴.

Но что если мы попробуем пренебречь этими более тонкими различиями и сделаем допущение, что «тевтонский», иначе балтийский или северноевропейский, расовый тип соответствует территориальному распространению германских языков? Не почувствуем ли мы под ногами более твердую почву? Ничуть, мы очутимся перед лицом еще больших затруднений. Прежде всего, основная масса говорящего по-немецки населения (центральная и южная Германия, немецкая Швейцария, немецкая Австрия) принадлежит вовсе не к высокой, белоку-

¹ В свою очередь, сплав из северно-«французского» и скандинавского элементов.

² «Кельтская» кровь на территории Англии и Уэльса отнюдь не ограничена пределами говорящих по-кельтски районов — Уэльса и до недавнего времени Корнуэля. Есть все основания полагать, что германские завоеватели (племена англов, саксов и ютов) не истребили поголовно британских кельтов нынешней Англии и даже не загнали их целиком в пределы Уэльса и Корнуэля (пора покончить со всеми этими историческими рассказами о «загоне» покоренных народов в горные дебри и на далекие окраины), а попросту перемешались с ними и навязали им свою власть и язык.

³ В действительности едва ли возможно рассматривать эти три народа как совершенно отдельные. Эти термины окрашены скорее в локально-сентиментальные тона, не представляя никакой этнической определенности. Смешанные браки на протяжении столетий делали свое дело, и только в некоторых удаленных от центра районах встречаем мы относительно чистые типы, например, горных шотландцев на Гебридских островах. В Америке же английский, шотландский и ирландский элементы перемешались вплоть до полного слияния.

⁴ Проникновение верхненемецкого языка в северную Германию — явление недавнего времени; оно связано с распространением, за счет вытесняемого «платдейч», стандартизованного литературного языка, основанного на верхнесаксонском, одним из верхненемецких диалектов.

рой, длинноголовой⁵ «тевтонской» расе, а к более низкорослой, более смуглой, короткоголовой⁶ альпийской расе, хорошими представителями которой являются также жители центральной Франции, французские швейцарцы и многие из западных и северных славян (например, чехи и поляки). Территориальное распространение этого «альпийского» населения частично соответствует распространению древних континентальных «кельтов», чей язык повсюду оказался вытесненным языками итальянскими, германскими и славянскими. Лучше всего вообще избегать термина «кельтская раса», но если уже представилась бы необходимость наделить его каким-либо содержанием, то он, по-видимому, скорее бы подошел к западной части альпийских народов, нежели к двум упомянутым мною выше группам населения Британских островов. Эти последние, несомненно, были «кельтизованы» и по языку, и отчасти по крови, совершенно так же, как столетиями позже почти вся Англия и часть Шотландии была «тевтонизована» англами и саксами. Собственно говоря, нынешние «кельты» (т.е. народы, говорящие на языках ирландском гаэльском, менском, шотландском гаэльском, уэльсском, бретонском) являются кельтами, а большинство нынешних немцев — германцами лишь в языковом отношении, т.е. в том же смысле, в каком можно считать «англичанами» американских негров, американизованных евреев, шведов из штата Миннесота и американских немцев. С другой стороны, принадлежащее к балтийской расе население отнюдь не говорит и даже никогда не говорило только на германских языках. Самые северные «кельты», как горные шотландцы, представляют собою, по-видимому, ответвление этой же расы. Никто не знает, на каком языке они говорили перед тем, как были кельтизованы, но нет решительно никаких данных предполагать, чтобы они говорили на германском языке. Их язык мог быть столь же далек от любого из известных индоевропейских языков, как теперь языки баскский или турецкий. Наконец, к востоку от скандинавов обитают представители той же расы — финны и близкие им народы, говорящие отнюдь не по-германски, а на языках, о родстве которых с индоевропейскими нет положительных данных.

Но это еще не все. Географическое положение германских языков⁷ делает в высшей степени вероятной гипотезу, согласно которой они возникли в результате усвоения какого-то индоевропейского диалекта (возможно, кельто-италийского прототипа) балтийским народом, говорив-

⁵ «Долихоцефальной».

⁶ «Брахицефальной».

⁷ Используя имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы можем с большой долей вероятности высказать предположение, что языки эти первоначально распространены были на сравнительно небольшой территории, а именно в северной Германии и Скандинавии, т.е. на самой окраине всей совокупной территории индоевропейских по языку народов. Центр тяготения этих последних, лет за тысячу до нашей эры, лежал, по-видимому, в южной России.

шим на языке или группе языков, генетически отличных от индоевропейских⁸. Таким образом, не только в настоящее время английский язык не есть язык единой расы, но и его прототип первоначально был, по всей видимости, чужим языком для той расы, с которой английский язык наиболее тесно связан. Нам не приходится всерьез принимать тот взгляд, будто английский язык или группа языков, к которой он относится, есть, в каком-либо вразумительном смысле, выражение расы, будто ему присущи качества, отражающие темперамент или «гений» какой-то особой породы человеческих существ.

Можно было бы, если бы позволило место, привести и другие, еще более разительные примеры несоответствия между расой и языком. Ограничимся только еще одним примером. Малайско-полинезийские языки образуют точно очерченную группу, охватывающую южную оконечность Малайского полуострова и необъятное множество островов к югу и востоку (за исключением Австралии и большей части Новой Гвинеи). На всем этом обширном пространстве представлены по меньшей мере три особые расы: негроиды — папуасы Новой Гвинеи и Меланезии, малайская раса Индонезии и полинезийцы прочих островов. Все полинезийцы и малайцы говорят на языках малайско-полинезийской группы, тогда как языки папуасов относятся частью к этой группе (меланезийские языки), частью к совершенно иной языковой группе («папуасской») в Новой Гвинее⁹. Тогда как расовый рубеж проходит здесь между папуасами и полинезийцами, в лингвистическом отношении важно противопоставлять малайские языки, с одной стороны, меланезийским и полинезийским, с другой.

Что верно относительно расы, верно и относительно культуры. В особенности на более первобытных ступенях, где вторично объединяющее действие «национального»¹⁰ идеала еще не проявляется и не нарушает естественного, если можно так выразиться, положения вещей, с особой

⁸ Хотя это только гипотеза, лингвистических данных в ее пользу больше, чем можно было бы думать. Имеется поразительно множество общих германским языкам и характерных для них слов, не возводимых к известным индоевропейским корневым элементам и могущих быть пережитками гипотетического догерманского языка. Таковы: англ. house, нем. Haus 'дом'; англ. stone, нем. Stein 'камень'; англ. sea, нем. See 'море'; англ. wife, нем. Weib 'жена, женщина'.

⁹ Только крайняя восточная часть этого острова населена папуасами, говорящими по-меланезийски.

¹⁰ «Национальность» есть широкое объединение прежде всего по эмоциональным признакам. Исторические факторы, создающие ощущение национального единства, весьма разнообразны: политические, культурные, языковые, географические, иногда специфически религиозные. Подлинно расовые факторы тоже иногда играют роль, хотя упор на принадлежность к «расе» обычно имеет скорее психологическое, нежели строго биологическое значение. В пределах той территории, где господствует общность национального чувства, и язык и культура становятся все более однородными и специфичными, так что языковые и культурные границы обнаруживают по меньшей мере тенденцию к совпадению. Однако и в самых благоприятных случаях языковое объединение никогда не абсолютно, а культурное объединение носит в общем поверхностный, так сказать, политический характер, не проникая вглубь и вширь.

очевидностью выступает внутренняя несвязанность языка и культуры. Совершенно неродственные языки обслуживают одну и ту же культуру, а близко родственные языки, иногда один и тот же язык, относятся к различным культурным сферам. Этому можно найти отличные примеры у американских индейцев. Атабаскские языки образуют вполне объединенную, в структурном отношении резко выделенную группу, какую только можно себе представить¹¹. Носители этих языков принадлежат к четырем различным культурным зонам: к области первобытной охотничьей культуры западной Канады и внутренней Аляски (племена лущу и чипевриан), к области бизоновой культуры прерий (племя сарси), к области высоко развитой обрядовой культуры юго-запада (племя навахо) и к области особо специализированной культуры северо-западной Калифорнии (племя хупа). Культурная восприимчивость говорящих на атабаскских языках племен находится в поразительном контрасте с недоступностью их языков чужеродным влияниям¹². Индейцы хупа — типичные представители той культурной зоны, к которой они относятся. В культурном отношении совершенно не отличимы от них их соседи — юроки и кароки. Между хупами, юроками и кароками происходит самое деятельное культурное взаимодействие, доходящее до того, что все три племени обычно присутствуют на важнейших религиозных церемониях каждого из них. Трудно сказать, какие элементы их общей культуры восходят к тому или другому племени, — до такой степени они объединены своей совместной деятельностью, своими чувствами и мышлением. Но их языки не только не близки один другому, они относятся к трем совершенно отличным языковым группам, каждая из которых имеет широчайшее распространение в Северной Америке. Язык хупа, как мы видели, — язык атабаскский и как таковой находится в отдаленном родстве с языками хайда (острова Королевы Шарлотты) и тлингит (Южная Аляска); язык юрок — один из двух изолированных в Калифорнии языков алгонкинского семейства, центр тяготения которого лежит в области Великих Озер; язык карок есть самый северный представитель хоканской группы, простирающейся далеко на юг за пределы Калифорнии и отдаленно родственный языкам на побережье Мексиканского залива.

Вернемся к английскому языку. Большинство из нас охотно признает, я думаю, что общность языка у Великобритании и Соединенных Штатов отнюдь не свидетельствует о подобной же общности культуры. Принято говорить, что народы этих двух стран владеют «англосаксонским» культурным наследием, но не видим ли мы массы существенных различий в их жизни и чувствах, — различий, прикрываемых тенденцией «образованного» слоя утверждать, как нечто само собою разумеющееся, наличие этого общего наследия. Если Америка все-таки в некоторых отношениях еще может казаться «английской», то это только пережиточно, как бывшая колония Англии:

¹¹ Даже семитские языки, несмотря на их ярко выраженную индивидуальность, не являются в такой степени выделенными.

¹² См. с. 176.

ее доминирующий культурный дрейф направлен отчасти в сторону автономного и обособленного развития, отчасти в сторону слияния с европейской культурой в целом, по отношению к которой культура Англии только одна из граней. Мы не можем отрицать, что обладание общим языком служит и еще долго будет служить вернейшим путем к установлению культурного взаимопонимания между Англией и Америкой, но несомненно и то, что другие факторы, из которых некоторые все более нарастают, решительно действуют наперекор этому нивелирующему влиянию. Общность языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми в разных ареалах его распространения.

Язык, раса и культура не соотносятся в обязательном порядке. Из этого вовсе не следует, что они никогда не могут соотноситься. Есть, конечно, некоторая общая тенденция к совпадению расовых и культурных границ с границами языковыми, хотя в каждом данном случае последние могут не быть столь же существенными, как первые. Так, мы устанавливаем достаточно резкую линию размежевания между полинезийскими языками, расой и культурой, с одной стороны, и языками, расой и культурой Меланезии, с другой, и это несмотря на наличие значительного количества переkreщиваний¹³. Однако, расовое и культурное разделение, в особенности первое, наиболее существенно, тогда как языковое разделение имеет значительно меньшее значение, поскольку полинезийские языки всего лишь особое диалектальное подразделение меланезийско-полинезийской группы в целом. Можно найти и еще более определенно выраженные совпадения. Язык, раса и культура эскимосов резко противопоставлены языку, расе и культуре их соседей¹⁴, в южной Африке бушмены по своему языку, расе и культуре являют еще более разительный контраст с соседними неграми банту. Такого рода совпадения, разумеется, представляют огромный интерес, но только не в смысле исконной психологической связанности между этими тремя факторами — расы, языка и культуры. Совпадение границ по всем этим трем линиям свидетельствует лишь о наличии вполне очевидной исторической связанности. Если негры банту и бушмены столь резко друг другу противопоставлены во всех отношениях, то это только потому, что первые сравнительно недавние пришельцы в южную Африку. Оба народа развивались в полнейшем обособлении один от другого; их нынешнее соседство — явление настолько недавнего времени, что не могло далеко продвинуть медлительный процесс культурного и расового сближения. Чем дальше мы удаляемся в глубь времен, тем ближе мы

¹³ Фиджианцы, например, принадлежащие к папуасской (негроидной) расе, по своим культурным и языковым связям более полинезийцы, чем меланезийцы.

¹⁴ Хотя, впрочем, и здесь встречаются существенные переkreщивания. Эскимосы крайнего юга Аляски культурно ассимилировались с соседними тлингитами. В северо-восточной Сибири равным образом нет резкой культурной грани между эскимосами и чукчами.

подходим к такому состоянию, когда относительно немногочисленное население на протяжении многих и многих поколений занимало огромные территории, а контакт с другими человеческими массами не был столь деятелен и продолжителен, как это стало впоследствии. Географическая и историческая изоляция, обуславливавшая расовую дифференциацию, естественно, способствовала и развитию резких различий в языке и культуре. Тот факт, что расы и культуры, вступающие в историческое взаимодействие, стремятся к постепенной взаимной ассимиляции, тогда как соседящие языки ассимилируются лишь случайно и поверхностно¹⁵, показывает, что нет глубокой причинной зависимости между развитием языка и специфическим развитием расы и культуры.

Но осмотрительный читатель возразит, вероятно, что должна же быть некоторая зависимость между языком и культурой и между языком и по крайней мере тем неосоздаваемым аспектом расы, который мы называем «темпераментом». Не представляется ли возможным, что особые коллективные качества ума, способствовавшие оформлению культуры, определили и специфическое развитие особого морфологического языкового типа? Этот вопрос подводит вплотную к наиболее сложным проблемам социальной психологии. Сомнительно, достигли ли мы достаточно ясного понимания природы исторического процесса и конечных психологических факторов, определяющих языковое и культурное развитие, чтобы быть в состоянии вразумительно ответить на такой вопрос. Я могу лишь самым беглым образом коснуться моих собственных взглядов по этому вопросу или, вернее, моей общей точки зрения. Было бы весьма трудно доказать, что «темперамент», то есть общая эмоциональная настроенность народа¹⁶, существенным образом обуславливает занимаемую культурой точку зрения и ее дрейф, как бы он явно ни обнаруживался в индивидуальном использовании элементов той или другой культуры. Но даже если признать, что темперамент участвует в созидании культуры, — в чем и как именно, сказать трудно, — из этого вовсе не следует, что он имеет значение и в создании языка. Нет никакой возможности показать, чтобы форма языка находилась в малейшей связи с национальным темпераментом. Направление ее варьирования, ее дрейф неумолимо ограничены рамками, определяемыми ее предшествующей

¹⁵ Вытеснение одного языка другим не есть, конечно, типичный случай языковой ассимиляции.

¹⁶ «Темперамент» — термин, которым трудно оперировать. Значительная доля того, что обычно относят к национальному «темпераменту», в действительности представляет собой лишь сумму навыков, осуществление традиционных идеалов поведения. Например, в культуре, которая не расположена к выразительности, естественное стремление к проявлению эмоций всякий раз подавляется. Было бы грубой ошибкой из этого культурного факта — тенденции к подавлению эмоций — умозаключать о темпераменте народа. Как общее правило, мы можем обнаруживать человеческое поведение лишь постольку, поскольку оно опосредовано культурой. Темперамент, собственно говоря, нечто в высшей степени неуловимое.

историй; она столь же безразлична к ощущениям и настроениям говорящих, как течение реки к атмосферным явлениям в окружающей природе. По моему убеждению, бессмысленно искать в структуре языков различия, соответствующие темпераментным вариациям, о которых предполагается, что они связаны с расой. В этой связи полезно вспомнить, что эмоциональный аспект нашей психической жизни лишь весьма скудно выражен в строении языка¹⁷.

Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же. Поскольку нет никаких данных предполагать существование заметных расовых различий в устройстве человеческого мышления, постольку бесконечное разнообразие языковой формы как проявление бесконечного разнообразия актуального процесса мысли не может быть показателем этих расовых различий. Это лишь с внешней стороны может показаться парадоксом. Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное з н а н и е опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное и с к у с т в о мышления, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства. Таким образом, в конечном счете язык не более зависит от расы как таковой, чем, скажем, сонетная форма поэтического произведения.

Не могу я признать и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, ч т о данное общество делает и думает. Язык же есть то, к а к думают. Трудно усмотреть, какие особые причинные зависимости можно ожидать между отобранным инвентарем опыта (культурой — ценностным отбором, осуществляемым обществом) и тем особым приемом, при помощи которого общество выражает всяческий свой опыт. Дрейф культуры, иначе говоря, ее история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта — приобретений, потерь, изменений в оценках и в системе отношений. Дрейф языка, собственно говоря, вовсе не связан с изменениями содержания, а только с изменениями формального выражения. Можно мысленно изменить в языке каждый звук, каждое слово, каждое конкретное значение, ни в малейшей мере не затрагивая его внутренней реальности, подобно тому как можно влить в любую форму воду, известку или расплавленное золото. Если бы можно было показать, что у культуры, независимо от ее реального состава, есть присущая ей врожденная форма, ряд определенных контуров, мы бы имели в культуре нечто, могущее послужить в качестве основания сравнения с языком и, пожалуй, средства связи с ним. Но покуда нами не обнаружены и не выделены такие чисто формальные стороны культуры, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры несопоставимыми, взаимно не связанными процессами. Из этого следует тщет-

¹⁷ См. с. 54.

ность всяких попыток связывать определенные типы языковой морфологии с какими-то соответствующими ступенями культурного развития. Собственно говоря, всякие такого рода сопоставления просто вздор. Самый беглый обзор фактов подтверждает это наше теоретическое положение. И простые, и сложные языки, в их бесконечном множестве разновидностей, можно найти на любых уровнях культурного развития. Поскольку дело касается языковой формы, Платон шествует с македонским свинопасом, Конфуций — с охотящимся за черепами дикарем Асама.

Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой. Общество, не имеющее представления о теософии, не нуждается в наименовании ее; туземцы, никогда не видевшие лошади и не слышавшие о ней, вынуждены были изобрести или заимствовать слово для именования этого животного, когда они с ним познакомились. В том смысле, что язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно. Но этот поверхностный и внешний вид параллелизма не представляет реального интереса для лингвиста, если только появление или заимствование новых слов косвенно не бросает света на формальные тенденции языка. Лингвист никогда не должен впадать в ошибку отождествления языка с его словарем.

Я думаю, что я правильно поступил, ведя в этой и в предыдущей главе свое рассуждение преимущественно в негативном плане. Нельзя, пожалуй, лучше познать подлинную сущность речи иначе как поняв, чем она не является и чего она не делает. Поверхностные связи языка с другими историческими процессами настолько тесны, что нужно сознательно их откинуть, если мы хотим постичь его в его настоящей сути. Все то, что мы до сих пор установили в отношении языка, свидетельствует об одном, а именно, что это наиболее значительное и колоссальное создание человеческого духа не что иное, как совершенная форма выражения для всякого подлежащего передаче опыта. Эта форма может до бесконечности варьироваться индивидом, не теряя при этом своих различительных черт; и, как всякое искусство, она постоянно преобразуется. Язык есть наиболее массовое и наиболее всеохватывающее из известных нам искусств, гигантская и анонимная подсознательная работа многих поколений.